

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ И СЛОВЕНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ

© 2020 г. Ю.В. Шахин

Канд. ист. наук, доцент Севастопольского государственного университета

y-v-shahin@yandex.ru

Статья посвящена югославской культурной интеграции во второй половине 1950-х годов и словенской реакции на союзную культурную политику. Автор исследует официальную концепцию культурной интеграции в условиях возрастающих трений между центральной югославской властью и словенскими культурными деятелями, нашедшими поддержку у республиканской бюрократии.

The article is devoted to Yugoslavian cultural integration in the second half of the 1950s and Slovenian reaction to the federal cultural politics. The author examines official concept of cultural integration in conditions of increasing frictions between the central Yugoslavian authorities and Slovenian cultural figures supported by republican bureaucracy.

Ключевые слова: Югославия, Словения, югославизм, культурная интеграция, национализм.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, Yugoslavism, cultural integration, nationalism.

DOI: 10.31857/S0869544X0008110-4

В результате социально-экономических и политических реформ 1950–1953 гг. в Югославии были заложены основы новой общественной системы, известной как самоуправленческий социализм. Решив первоочередные задачи преобразования страны, союзная бюрократия начала уделять больше внимания культурному развитию, стараясь добиться в этом деле некоторой унификации. В 1954–1955 гг. соответствующие попытки были робкими и несистематическими. Но затем союзное руководство стало действовать целенаправленно. К изменению культурной политики подтолкнул экономический кризис 1955–1956 гг. Для выхода из него союзная бюрократия взяла курс на усиление центрального контроля за хозяйственной деятельностью, чтобы повысить ее управляемость и степень координации. Эти организационные принципы были распространены на управление наукой, культурой, искусством и литературой. Связь с экономической политикой хорошо прослеживается в мотивации соответствующих союзных инициатив: на первое место выдвигалась идея унификации с целью

экономии бюджетных средств и повышения рентабельности [1. S. 130, 310–311, 327, 343]. Однако это не был прямой возврат к эпохе административно-бюрократического управления.

Во-первых, унификация правил осуществлялась через издание новых союзных законов, во-вторых, координация возлагалась не на чиновников, а на общественные объединения заинтересованных субъектов деятельности, которые приобретали административные полномочия. Например, в феврале 1954 г. была учреждена межуниверситетская конференция, весной 1956 г. по указанию идеологической комиссии ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) она стала постоянным органом, а зимой 1956/1957 г. конференция превратилась в Общество югославских университетов с собственным уставом и правом издавать директивы для университетов. Окончательному закреплению этого положения в данном случае помешала лишь позиция Люблянского университета, который в начале 1957 и в мае 1958 г. дважды настаивал на исключительно координационном статусе объединения [1. S. 312, 325–326].

Важнейшей поворотной точкой в культурной политике союзного центра стало заседание идеологической комиссии ЦК СКЮ 8–9 мая 1956 г., на котором выступил с докладом «О дальнейшем укреплении единства народов Югославии» член ЦК П. Стамболич. Он приветствовал существующие тенденции и призвал их укрепить [1. S. 318]. С этого началась кампания по углублению культурной интеграции страны и развитию общей югославской культуры. Для ее проведения в 1956–1957 гг. был выдвинут ряд практических предложений: создать новые совещательные органы для осуществления единой культурной политики во всем государстве, усилить центральные функции Совета культурно-просветительских обществ Югославии, не замыкать массовую культурно-просветительскую деятельность в республиканских рамках. Но едва этот курс на формирование единого югославского сознания и идентичности был взят, как он тут же столкнулся с сопротивлением. Его возглавили словенские литераторы.

Одним из первых на новые партийные установки отозвалось руководство Союза писателей Югославии. Там и раньше возникали предложения по углублению югославской интеграции. Уже в 1952–1953 гг. известный хорватский писатель М. Крлежа пытался преодолеть культурную замкнутость в национальных границах и утвердить концепт «югославской социалистической литературы», однако его усилия тогда не получили поддержки, отчасти из-за конфликта с сербскими писателями [2. С. 25, 27]. А в ноябре 1954 г. в Союзе писателей прошел дискуссионный пленум по проблемам единства и универсальности в югославской литературе [1. S. 320]. Теперь руководство союза постановило провести новый пленум на ту же тему, а в июле 1956 г. сразу после этого решения сербский литературный критик З. Мишич выдвинул идею «единого югославского критерия в литературе». Началась публичная дискуссия.

Идея Мишича сразу же встретила противодействие со стороны словенских культурных деятелей, у которых традиционно преобладала точка зрения, что в культурном плане словенцы значительно обособлены от других югославянских народов. Мишичу резко возразил в октябре 1956 г. редактор словенского журнала «*Naša sodobnost*» кино- и театральный критик Д. Шега. Он обозначил позицию Мишича как «обветшалые тезисы режимов, правивших после шестого января», имея в виду политику интегрального югославизма, которая проводилась после государственного переворота 6 января 1929 г. Другие словенские критики делали менее радикальные заявления, хотя и поддержки Мишичу не оказали.

Дискуссия фактически завершилась в феврале 1957 г. публикацией в обзорении «Современник» подборки высказываний из различных журналов о едином югославском критерии. Обзор завершался словами словенского писателя и партийно-государственного деятеля Й. Видмара, который был в тот момент председателем Союза писателей Югославии, «что в искусстве должен иметь силу критерий качества и ничего более» [3. S. 136]. Таким образом, первая же словенская контратака на попытку углубить югославскую интеграцию в сфере культуры увенчалась успехом.

Ниспровержение «югославского критерия» в культуре стало постоянной задачей словенских литераторов, они зорко следили за попытками его возрождения. В феврале 1958 г. словенский поэт М. Бор, критикуя сербского художника и искусствоведа М. Протича, указал, что югославская литература не является органическим целым [1. S. 323–324]. А в декабре 1961 г. словенский литературовед Д. Пирьевец обрушился на сербского писателя Д. Чосича с пространной критикой «югославского критерия» в культуре, хотя Чосич упомянул всего лишь мельком, что он за югославское утверждение всего качественного в культуре, независимо от языка народа, на котором это произведение было создано [4. S. 1102; 5. S. 1126–1129]. В сущности Чосич повторил формулировку Видмара, добавив лишь югославские рамки, и этого уже оказалось достаточно для нападков из Словении. Между тем, без «югославского критерия», осознается он или формируется стихийно, культурное единство Югославии становилось невозможным.

Сопротивление курсу на югославскую культурную интеграцию проявилось в Словении и по другим направлениям. В 1956–1957 гг. словенские представители выступили против централизации Совета культурно-просветительских обществ Югославии, единого союзного совета по просвещению, унификации школьных учебных планов, централизации средств, выделяемых на кинематограф, а также против наделения Общества югославских университетов административными полномочиями, централизации кинематографического совета, централизации радиовещания [1. S. 320–322, 325–326, 327]. Когда же представители Словении не нашли поддержки в других республиках, они перешли к одностороннему бойкоту союзных инициатив. Так в феврале 1957 г. директор словенского кинематографического объединения «Триглав фильм» отказался посылать своего заместителя на союзное совещание по кинематографии. С ноября 1957 г. после успешной централизации культурно-просветительских обществ Югославии словенский Союз свободных искусств и просветительских обществ стал бойкотировать его заседания [1. S. 320–321, 325].

Словно в противовес союзному курсу, ответственные за культурную политику словенские чиновники развернули борьбу за последовательное внедрение словенского языка. Кампания началась со словенских титров в фильмах — по сложившейся в Югославии традиции звуковой дубляж в фильмах не практикуется. В первой половине 1950-х годов, когда изменились правила поставки фильмов в прокат, доля фильмов со словенскими титрами в кинотеатрах республики снизилась. Судя по тому, что кинотеатры закупали фильмы на сербскохорватском и македонском языках в течение нескольких лет, для словенского зрителя не возникало непреодолимых языковых барьеров или принципиальных дилемм: он шел и смотрел без дубляжа. Однако в декабре 1956 г. республиканский секретарь по культуре, образованию и науке Б. Зупанчич призвал бороться за словенские титры, предлагая кинопрокатчикам отбросить экономический расчет и пожертвовать несколькими тысячами динаров ради национальных прав словенцев [6. S. 1149–1150]. На протяжении

последующих шести лет словенские культурные и партийно-государственные деятели регулярно возвращались к этой проблеме.

Также в июле 1957 г. на заседании Сообщества деловых советов и других профсоюзных хозяйственных объединений по делам механизации и химизации сельского хозяйства ФНРЮ обсуждался вопрос публикации пособий для крестьян. Словенский представитель предложил, чтобы пособия печатали во всех республиках на всех языках, но секретарь сообщества это предложение сходу отверг [7. S. 190].

Высшее партийное руководство Словении длительное время избегало публичных заявлений, хотя на закрытых заседаниях ясно сформулировало свою позицию по культурным вопросам. Уже в январе 1957 г. идеологическая комиссия ЦК Союза коммунистов Словении (СКС) высказалась за минимизацию органов общественного управления на союзном уровне с сохранением для оставшихся только координационных функций. В июне 1957 г. на заседании той же комиссии партийный публицист Л. Модич заявил, что база развития словенской культуры — социалистическая, а не какая-то общегославская культура, и что каждая национальная культура должна развиваться самостоятельно. А бойкотировать Культурно-просветительский союз Югославии в ноябре 1957 г. предложил лично И. Регент, член Исполкома ЦК СКС [1. S. 325, 326, 327]. Таким образом, словенская партийная верхушка уже в 1957 г. была против попыток централизации культуры и югославской интеграции, хотя и не говорила об этом публично.

В этих исторических условиях с января 1957 г. началась разработка новой программы Союза коммунистов Югославии, которую предполагалось вынести на рассмотрение ближайшего съезда. По уставу он должен был состояться в конце 1957 г., но осенью его перенесли на апрель 1958 г. Работу над проектом возглавил ведущий теоретик СКЮ Э. Кардель. В дневниках писатель Чосич утверждал, что предложил внести туда вопрос о югославизме. Предложение поддержал Й. Броз Тито, и уже в феврале Чосич обсуждал концепцию югославизма с Карделем [8. С. 117, 122—123]. В процессе работы над программой СКЮ Кардель, видимо, хотел более развернуто охарактеризовать межнациональные отношения в стране, для чего переиздал свою довоенную книгу «Развитие словенского национального вопроса», снабдив новым пространством предисловием, датированным апрелем 1957 г. В нем также есть упоминание о событиях 1956 г. в Венгрии, что указывает на завершение работы после декабря 1956 г. Таким образом, Кардель написал этот текст в процессе разработки программы партии и обсуждения задач национальной политики в высшем руководстве страны, когда был взят курс на развитие югославизма, а в Словении ему уже было оказано сопротивление.

В исторической науке встречается точка зрения, что переизданием книги Кардель вновь поставил в Югославии национальный вопрос и ввел соответствующую проблематику в публичное пространство. Но сторонники такого подхода абстрагируются от словенской реакции на углубление югославской интеграции, отчасти потому что она не вся была публичной, а отчасти потому, что не используют данные историка А. Габрича, который исчерпывающе осветил вопрос о культурных трениях между словенскими и югославскими представителями. Так что предисловие Карделя следует рассматривать скорее как ответ на обострение национальных проблем. Да и содержательный анализ предисловия склоняет к совершенно другому выводу: Кардель старался закрыть национальный вопрос раз и навсегда, для чего попробовал выявить факторы,

мешающие позитивному развитию межнациональных отношений в Югославии, и наметить перспективы национально-культурного развития страны. Видимое противоречие заключалось в том, что национальный вопрос до этого рассматривался как решенный, несмотря на существующие проблемы. В интерпретации Карделя эти проблемы еще существуют, тогда как с высоты сегодняшнего дня следовало бы говорить «опять возникли». Похоже, о разнице этих наречий и забывают исследователи, когда хотят приписать Карделю «заслугу» возрождения национального вопроса. Но как бы там ни было, Кардель считался в это время наиболее авторитетным теоретиком правящей партии, а потому его взгляды заслуживают анализа.

В предисловии Кардель отметил «три фактора, которые еще достаточно долго будут создавать определенные национальные проблемы». Во-первых, это остатки классического буржуазного национализма. Однако они появляются не только как пережитки прошлого, но и как реакция на две внутренне присущие Югославии проблемы: неравномерное развитие и «великодержавный бюрократический централизм» [9. S. 37–39]. Кардель подчеркнул особую опасность национализма, и необходимость для словенцев бороться с его источниками и проявлениями. Но поскольку он считал одним из источников национализма бюрократический централизм, эта формулировка давала возможность словенским и другим республиканским политическим деятелям вести такую «борьбу» с национализмом, которая бы его и подпитывала.

Во-вторых, национальные проблемы создают бюрократический централизм и его идейные проявления — великодержавный шовинизм и интегральный югославизм, т.е. идею формирования особой югославской нации [9. S. 40–41]. Что характерно, Кардель не указал, что централизм способен развиваться не только на союзном уровне, но и на уровне отдельных республик.

В-третьих, существуют большие различия в степени экономического развития между регионами Югославии. Они порождают явления, противоречащие якобы господствующим в стране социалистическим отношениям, привилегированное положение экономически развитых регионов страны способно подорвать национальное равноправие [9. S. 42–44]. Однако политика развития отсталых регионов вовсе не означает, что нужно остановить всякое развитие тех, кто находится впереди, так как там имеются наиболее благоприятные материальные условия для социалистического строительства.

Затем Кардель объяснил, что развивать отсталые регионы нужно не просто для ликвидации нищеты, а в первую очередь ради успешного развития социалистических общественных отношений [9. S. 44–45]. Таким образом, он пытался тесно связать политику выравнивания с социалистическим выбором Югославии. Но тем самым возникала идеологическая ловушка. Если материальные интересы развитых республик вызывают у них отвращение к помощи отсталым, то не логично ли им однажды отбросить идеологию, которой эта политика мотивирована? Таким образом, у бюрократии развитых республик возникает повышенная потребность в пересмотре и даже отказе от социалистической идеологии.

Кардель указывал, что мировые тенденции направлены на сближение наций. Однако условием этого процесса является самостоятельное свободное развитие каждой отдельной нации. А в будущем исчезнут и нации и национальное сознание в их современном понимании [9. S. 48–49]. Однако слияние языков Кардель отрицал. Эти общие соображения он попытался применить

к условиям Югославии и отметил, с одной стороны, полное равноправие и свободное развитие всех народов страны, а с другой — формирование единого югославского сознания на почве материальных интересов, которые связывают ее народы. Поскольку природу этих интересов Кардель оценивал как социалистические интересы трудящихся, он делал вывод, что югославское сознание носит социалистический характер, а культурное родство народов Югославии всего лишь важный, но не решающий фактор его развития, так как оно происходит на общечеловеческой, а не узкой национальной основе, и потому не может привести к формированию югославской нации [9. S. 52—54]. Саму идею о формировании югославской нации Кардель считал абсурдной и даже последовательно брал это выражение в кавычки.

Таким образом, по Карделю, югославское сознание это всего лишь региональное проявление мирового процесса слияния наций. Особенно важно подчеркнуть, что он мыслил это слияние не как ассимиляцию, а как сближение, при котором отдельные югославские нации сохраняют свою особость. Историк и социолог О. Милосавлевич отметила, что трактовка югославизма не как национального, а как общественно-политического явления вполне соответствует пониманию, утвердившемуся в КПЮ с 1945 г. [10. S. 427]. Таким образом, Кардель лишь развивал уже существующие взгляды.

В предисловии Кардель дал также ряд практических рецептов по оздоровлению межнациональных отношений в Югославии. Они сводились к тому, что союзный центр должен отстаивать и защищать национальное равноправие, а республики делать акцент на общечеловеческих ценностях и сближении народов Югославии друг с другом [9. S. 46—47].

В начале 1990 г. Чосич заявил, будто бы уже в 1957 г. в частном разговоре Кардель высказал антиюгославские настроения: для словенцев Югославия всего лишь форма перехода к самостоятельному государству. Получается, что Кардель в предисловии лицемерил. Однако в опубликованных позднее выдержках из дневника Чосич сам себя опровергает: 11 февраля 1957 г. Кардель говорил ему о югославизме как об идее, тождественной, изложенной в предисловии [8. С. 123; 10. S. 427]. Потому серьезных оснований сомневаться в его искренности пока нет.

В целом работа Карделя носила компромиссный характер. Он пытался удовлетворить всех: сторонников дальнейшего развития успешных регионов, и ускоренного развития отсталых, борцов за формирование общегославского сознания и слияние народов, и за сохранение своих наций, противников республиканского местничества и союзного централизма. Лишь сторонники единой югославской нации не могли взять Карделя в свои союзники — автор недвусмысленно отрицал ее возможность, а все остальные могли интерпретировать отдельные положения в выгодном для себя ключе, замалчивая одну сторону размышлений ведущего партийного теоретика и выпячивая другую. Но все же проведенный анализ предисловия позволяет считать, что идеи Карделя давали большее поле для маневра сторонникам республиканизма, а не приверженцам югославского единства. Во-первых, включалась возможность образования югославской нации, во-вторых, в конфликтах с союзным центром республиканская бюрократия могла свое националистическое поведение прикрывать ссылками на угрозу бюрократического централизма.

Противоречивые интерпретации идей Карделя начались сразу после публикации книги. Согласно данным М. Режек в Белграде общественное мнение

оценило предисловие негативно, усмотрев в нем проявление словенского национализма [3. S. 139]. В то же время в Словении бывший соратник Карделя по партизанской борьбе М. Микуж опубликовал рецензию, где проигнорировал все идеи о югославском сознании и подчеркнул, что отдельные нации сохранятся. Для него главным было, что словенская нация не исчезнет [11. S. 930–938]. А в Боснии вышла рецензия Э. Реджича, который усматривал главное достоинство предисловия в обосновании интернационализма и курса на слияние югославских наций [12. S. 218–225].

Официальная партийная линия в этом вопросе была закреплена на VII съезде СКЮ, который состоялся в апреле 1958 г. Местом его проведения стала Любляна, столица Словении. Именно там была утверждена новая программа партии, где нашлось место и для раздела о национальных отношениях. Программа провозгласила необходимость развития всесторонних связей народов Югославии с целью их сближения. Разумеется, эти процессы должны были протекать на социалистической основе. Благодаря развитию материальных интересов формируется общее югославское сознание, которое не отменяет, а дополняет национальное сознание народов Югославии. В программе даже использовался термин «социалистический югославизм». В то же время она прямо отрицала курс на создание некой новой югославской нации и брала это выражение в кавычки [13. S. 364].

Программа утверждала, что в Югославии отсутствует национальный вопрос, но вместе с тем отметила те же три фактора, негативно влияющие на межнациональные отношения, которые были указаны в предисловии к книге Карделя: остатки буржуазного национализма, тенденции бюрократического централизма и неравномерность развития отдельных частей Югославии. Со всеми этими явлениями надлежало бороться. Положительной задачей партии на ближайшую перспективу провозглашалось укрепление пролетарского интернационализма и сближение народов страны [13. S. 365–367].

Таким образом, программа СКЮ отразила основные положения книги Карделя. Теперь его концепция окончательно утратила статус частного мнения и приобрела официальный характер, а вместе с этим возросло и значение ее возможных интерпретаций для идеологического прикрытия конфликтов материальных интересов.

Знаменательно, что при обсуждении на VII съезде национального вопроса мнения делегатов из различных регионов разделились так же, как и оценка взглядов Карделя местными публицистами. Боснийские представители Ч. Капор и Н. Диздаревич выдвинули курс на будущее слияние наций без отрицания национальных прав, причем Капор предложил добиться этого результата через развитие коммунальной системы. А единственный, кто им посчитал нужным возразить, был словенский делегат писатель И. Потрч. Он призвал уважать самостоятельность культурного развития всех народов. В какой-то мере его поддержала македонский делегат Л. Чаловская. По ее словам, в процессах интеграции не надо смешивать межреспубликанские и межнациональные отношения: одно дело Сербия и Босния с единым языковым пространством, другое — Сербия и Македония [1. S. 329–332; 14. S. 386–387].

Непубличное сопротивление партийно-государственной бюрократии Словении югославской интеграции, публичная дискуссия о «югославском критерии» в литературе, реакция на книгу Карделя и дискуссии на VII съезде показывают, что в среде словенских литературных критиков, публицистов

и писателей ко второй половине 1950-х годов возникло отрицательное отношение к любому сближению на почве югославизма. Есть и свидетельства, что в отношениях словенцев и других народов Югославии к этому времени уже не все было благополучно, и в Словении получили развитие националистические настроения. Чосич в апреле 1958 г. записал в дневнике: «В Словении до критических, до очень критических размеров развит сепаратизм. Все подряд выражают презрение к ФНРЮ, Сербии, всем нациям [...] Это шовинизм огромных размеров. Они презирают сербский язык, убеждены, что имеют самую богатую культуру, ощущают себя под угрозой, обворованными и обманутыми. Так думают все — от официанта до Бориса Крайгера, от горничной до Йосипа Видмара» [8. С. 146—147].

Но ссылки на «Записки писателя» требуют критического подхода. Чосич не вел дневник регулярно, а делал хаотичные записи. В конце 1990-х годов он подготовил их к печати совместно с дочерью. Некоторые сербские историки поставили достоверность этих записей под сомнение, утверждая, что они редактировались автором в духе его позднейших взглядов [10. S. 427]. Заявления самого Чосича дают для этого известную пищу. Прежде всего, он разделял текст самих дневниковых записей и комментарии к ним. Последние были опубликованы в квадратных скобках, и их всегда легко отличить. Но он указывает, что выбрал записи из большого числа тетрадей и блокнотов и тематически сортировал их, т.е. имела место некая процедура отбора, и полнота отражения записей в публикации может быть нарушена. Наконец, отобранные дневниковые записи Чосич подверг стилистической правке и смягчил в них резкие оценки, т.е. текст в самом деле редактировался [8. С. 7, 12]. Таким образом, нельзя исключать влияния взглядов 1990-х годов на опубликованные записи 1950—1960-х годов. Потому использование его записок требует осторожности, пока не будет подготовлено строгое научное издание дневников.

Наконец, источникам подобного типа свойственен субъективизм. Он легко прослеживается и в «Записках писателя». Когда полностью читаешь дневниковые записи Чосича о VII съезде СКЮ, а не только цитату про сепаратизм и шовинизм в Словении, бросается в глаза общий раздраженный тон автора, когда он пишет о Тито, Крлеже, Видмаре, молодежи, музыке и т.д. Без негативных эмоций он упоминает только Ранковича и Карделя [8. С. 146]. В контексте этого раздражения резкая характеристика словенских общественных настроений выглядит как эмоциональное преувеличение. В этом еще более убеждают записи августа 1959 г. и февраля 1961 г. о национализме лидера Союза коммунистов Македонии Л. Колишевского. Чосич отметил, что Колишевский говорит только о Македонии, ее истории и даже доказывает автохтонность македонского народа! Тем не менее, Чосич достаточно спокойно, без осуждения констатировал своеобразие своего собеседника: «Я до сих пор не встречал коммуниста, превосходящего его по национальной исключительности». «Он обложен, заморожен македонством» [8. С. 159]. Никакого гнева македонский национализм у Чосича не вызывал, хотя Колишевский сделал ему несколько замечаний по трактовке общих страниц истории Сербии и Македонии.

Потому есть все основания думать, что Чосич драматизировал ситуацию, сгущая краски в Словении, но делал это не на пустом месте. В историографии уже приводились слова одного из чехословацких дипломатов, посетившего в январе 1957 г. Словению и Хорватию: «В Хорватии, особенно в Словении, имеются определенные националистические настроения. Мы встречались с такими высказываниями, что скоро в Югославии останется только сербская

и черногорская национальности. У людей, которые высказывают такие мысли, чувствовалась некоторая обида в связи с тем, что политику в Югославии направляют руководители — выходцы из Сербии и Черногории» [15. С. 696].

После завершения VII съезда СКЮ, подтвердившего необходимость развития единого югославского сознания и борьбы с национальной ограниченностью, словенское руководство стало менее активно противодействовать развитию югославской интеграции. Для периода 1958—1960 гг. мы имеем не так много примеров этого, и большинство из них не очень значительно. Наиболее масштабная борьба разыгралась в конце 1958 г., когда произошел публичный спор между словенскими и союзными представителями из-за учреждения словенского телевидения. В Белграде настаивали на создании единого общегославского телевидения и выступали против отдельных телевизионных станций в республиках. Словенские политики поддержали стремление RTV Любляны иметь собственную телевизионную программу, а Габрич со ссылкой на мемуарный источник утверждает, что на их стороне выступил лично Кардель [1. С. 333; 16. С. 453]. Если это так, то перед нами первый случай, когда он прямо поддержал словенскую линию культурной политики в противовес союзному курсу, взятому в мае 1956 г.

Затем, 17 февраля 1959 г. Б. Крайгер на заседании Исполкома ЦК СКС неожиданно выступил против школьной реформы и предусмотренного в ней способа унификации школьного дела по всей стране. Его поддержали еще четыре члена Исполкома — В. Томшич, М. Рибичич, Б. Зихерл, И. Регент. Словенское правительство стало придерживаться этой линии и внедрять реформу поверхностно [17. С. 94—95, 111]. Летом 1959 г. продолжилась борьба за словенские титры и киноафиши. Хотя словенский совет по культуре и образованию добился публичной поддержки Союзного исполнительного веча, дело не двигалось: законодательство не позволяло принудить кинотеатры, а сами они инициативу не проявляли.

В 1960 г. у словенских должностных лиц появились новые инициативы. В марте комиссия по идеологии ЦК СКС начала готовить проекты децентрализации зарубежных культурных связей. С июня республиканские чиновники стали критиковать распределение средств союзного научного фонда и предложили провести его децентрализацию. Но в целом в этот период можно говорить об известном спаде активности, направленной против югославской интеграции.

Причины спада связаны с последствиями одной из самых масштабных забастовок словенских шахтеров в январе 1958 г. 13—15 января остановилась шахта в Трбовле, а 16 января к ней присоединилась шахта в Загорье. Всего бастовали свыше четырех тысяч рабочих. Забастовка послужила толчком для критического анализа всех протекающих в Югославии процессов. Высшие партийные руководители Югославии, включая Тито, заявили, что возникшие проблемы связаны с шовинизмом, направленным против Белграда. Республиканские правительства подверглись критике за эгоистическое преследование своих узких интересов, особенно Словения, где в последнее время критиковали все, что поступало от союзных органов. Перед словенским руководством с жесткой речью выступил Кардель [3. С. 141, 142; 14. С. 383—385; 18. С. 84, 88, 89, 138, 140—142, 144]. Судя по всему, от внимания Белграда не укрылись и новые культурные веяния в руководстве республики. В публичном письме Исполкома ЦК СКЮ, обращенном ко всем парторганизациям, констатировалось: «Сильные партикуляристские тенденции [...] приобретают часто националистические

и даже шовинистические формы, вследствие того, что коммунисты, а зачастую и члены руководств Союза коммунистов не только не решительны в борьбе против этих тенденций, но и время от времени попадают под влияние остатков мешанско-националистических тенденций и так иногда и сами совершают националистические и шовинистические выпады» [19]. Вся эта критика касалась главным образом экономической политики, но она создала атмосферу, не позволявшую словенской партийно-государственной бюрократии в чем-либо открыто перечить общесоюзной линии.

Как бы там ни было, в политической культуре тогдашней Югославии считалось само собой разумеющимся, что ко всем субъектам федерации нужно подходить с единой меркой, они полагали, что степень единства федерации, в том числе и культурная, должна быть одинакова, а значит должна равняться на того субъекта, чья способность к интеграции минимальна. В области культуры в рассматриваемый период таким субъектом была Словения, поэтому интеграционные возможности этой республики задавали предел для степени углубления интеграционных процессов в других частях федерации, даже если там субъекты были готовы идти несравненно дальше. В силу особого положения Словении в составе Югославии уровень культурной интеграции, на который была готова местная бюрократия, имел тенденцию к снижению, тем самым Словения тянула вниз и общий уровень культурной интеграции Югославии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Gabrič A.* Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953–1962. Ljubljana, 1995.
2. *Пековић Р.* Паралелна страна историје. Београд, 2009.
3. *Režek M.* «Jugoslovanstvo» in mednacionalni odnosi v Jugoslaviji v petdesetih letih 20. stoletja // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 2005. № 2.
4. *Čosić D.* O sodobnem nesodobnem nacionalizmu // *Naša sodobnost*. 1961. № 12.
5. *Pirjevec D.* Slovenstvo, jugoslovanstvo in socializem // *Naša sodobnost*. 1961. № 12.
6. *Zupančič B.* Zapisek o filmski distribuciji // *Naša sodobnost*. 1956. № 12.
7. *Selinić S.* Suprotstavljeni interesi jugoslovenskih republika oko uvoza i podela poljoprivrednih mašina i sredstava 1957/58 // *Tokovi istorije*. 2006. № 3.
8. *Тосућ Д.* Пишчеви записи, 1951–1968. Београд; Нови Сад, 2000.
9. *Kardelj E.* Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd, 1958.
10. *Milosavljević O.* Jedno (ne)razumevanje Jugoslavije: Ranković na prekretnici // *Dijalog povjesničara – istoričara*. Zagreb, 2005. Knj. 9.
11. *Mikuž M.* Edvard Kardelj (Sperans) Razvoj slovenskega narodnega vprašanja // *Naša sodobnost*. 1957. № 10.
12. *Redžić E.* Prilozi o nacionalnom pitanju. Sarajevo, 1963.
13. VII kongres Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1958.
14. *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999.
15. *Едемский А.Б.* Дилемма самоуправленческого выбора // *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. М., 2011.
16. *Štih P., Simoniti V., Vodopivec P.* Slovenska zgodovina: družba – politika – kultura. Ljubljana, 2008.
17. *Gabrič A.* Šolska reforma 1953–1963. Ljubljana, 2006.
18. Dokumenti o rudarski stavki v Zasavju leta 1958. Ljubljana, 2007.
19. *Komunist*. 1958. 28 februara.